

еще меньше: *Авария* → *трубопровод*; *Диалог* → *компьютер, с компьютером*; *Война* → *роботов*.

Материал свободных ассоциативных экспериментов подтверждает, что в представлении испытуемых человек выступает главным элементом событий: слот «Участники события» – один из самых заполненных в событийном фрейме, а реакции, называющие человека или совокупность людей, составляют почти весь объем этого слота. При этом типичными, а точнее, наиболее актуальными для испытуемых участниками универсальных событий предстают люди из их окружения: родные и близкие, друзья, коллеги, преподаватели и т.п. Для каждого же из специализированных событий выделяются свои наборы типичных участников, в том числе имеющих номинации, специализированные по отношению к этим событиям.

Примечания

- 1 Арутюнова. Н.Д. Язык и мир человека: науч. изд. М., 1999. С. 509.
- 2 См.: Романова Г. Конструкции с общим значением событийности (на материале испанского, итальянского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 153.
- 3 См.: Шабес В. Событие и текст. М., 1989. С. 16.
- 4 Караулов Ю., Черкасова Г., Уфимцева Н. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. М., 2002.
- 5 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- 6 В пределах ассоциативной статьи, образованной реакциями на многозначный стимул, целесообразно разграничивать ассоциативные поля в соответствии с разными сферами референции слова-стимула. Например, в ассоциативной статье стимула *операция* присутствуют

как реакции, относящиеся к сфере «медицина», так и реакции, относящиеся к сфере «военные действия». Таким образом, рассматриваемое нами количество ассоциативных полей не тождественно количеству ассоциативных статей.

- 7 Кроме слотов, отражающих компоненты событийной структуры, во фрейме, построенном на основе ассоциативного поля событийного стимула, выделяются также слот оценочных реакций и различные слоты, связанные с функционированием слова-стимула в языке и речи. В частности, это такие слоты, как «Семантические корреляты стимула», «Толкование стимула», «Речь и речевые явления». Последний из них в свою очередь делится на подслоты «Прецедентные тексты», «Формальные реакции», «Типичные высказывания о событии» и др. (См. также Схему 1 в статье В.Е. Гольдина «Концептуальные переменные образа мира» (Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М., 2010).
- 8 Звездочкой отмечены реакции, входящие более чем в один слот фрейма. Например, в данном случае реакция *Наташа Ростова* отнесен нами в слоты «Участники события» и «Прецедентные тексты». Другой пример: слово «класс» может обозначать как совокупность учеников (слот «Участники события»), так и учебную комнату (слот «Место события»).
- 9 Коммуникацию здесь мы понимаем в широком смысле как обмен информацией вербальными и невербальными средствами.
- 10 См.: Гольдин В. Концептуальные переменные образа мира // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М., 2010. Вып. 9 (16). С. 97–102.
- 11 Подобную разновидность Деятеля в структуре события выделяет В.Я. Шабес (Шабес В. Указ. соч. С. 61).

УДК 81' 366+81' 34

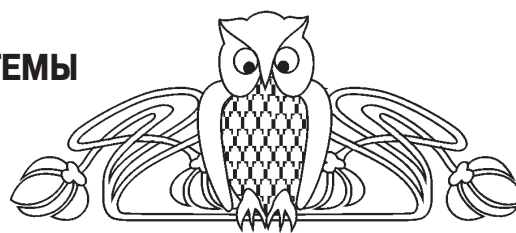
ВОКАЛЬНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ИМЕННОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Н.И. Данилина

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: danilina_ni@mail.ru

В статье предложены три автономные классификации исследуемых систем. Структурная: 1) иерархические полимодельные слаботипизированные (русская, украинская, польская, чешская); 2) неиерархические полимодельные слаботипизированные (древнегреческая, исландская, болгарская); 3) неиерархические мономодельные высокотипизированные (английская, немецкая, латинская). Субстратная: 1) архаичные (классические); 2) инновационные (современные славянские, германские). Содержательная: 1) минимальные (германские, кроме исландской); 2) медиальные (русская, латинская, древнегреческая); 3) максимальные (остальные славянские).

Ключевые слова: морфология, сопоставление.

Vocal Morphological Systems in Nominal Inflection

N.I. Danilina

In the article three autonomous classifications of the systems under investigation are offered. The structural one: 1) hierarchical poly-model weakly typified (Russian, Ukrain, Polish, Check); 2) non-hierarchical poly-model weakly typified (Old Greek, Icelandic, Bulgarian); 3) non-hierarchical mono-model highly typified (English, German, Latin). The substratum one: 1) archaic (classical); 2) innovational (modern Slavic, Germanic). The content one: 1) minimal (Germanic, except the

Icelandic); 2) medial (Russian, Latin, Old Greek); 3) maximal (the rest of the Slavic).

Key words: morphonology, comparison.

Морфонология именного словоизменения неоднократно становилась предметом изучения, в том числе сопоставительного. В то же время работы данной проблематики ограничивались материалом одной группы языков (славянской или германской). Задачей данной статьи является сопоставление имеющегося в научном обиходе славянского¹ и германского² материала и привлечение к сравнительному анализу собранных нами и частично опубликованных данных морфонологии классических языков³.

Вопрос о наличии именной морфонологии в праязыках отдельных ветвей индоевропейской семьи связан с трактовкой синхронного морфемного состава словоформ. Как известно, регулярно варьировал ауслат этимологической основы, а центральный гласный корня – значительно реже⁴, следовательно, включая варьирующий гласный в состав основы, мы признаем наличие ее морфонологической вариативности, тогда как констатация переразложения словоформ и отнесение варьирующего элемента к флексии влечет за собой отрицание наличия именной вокальной морфонологии в соответствующих языках.

Поскольку древнегреческий и латинский языки сохранили регулярные рефлексы индоевропейского аблаута, в том числе центральных корневых гласных, наличие в них именной вокальной морфонологии не подлежит сомнению. В готском языке качественный состав рефлексов фонетических процессов конца слова допускает обе трактовки: *gast-s / gastī-s / gasta / gastei-s; sunu-s / sunau-s / suniw-e / sunju-s, guma / gumin-s / guman-e* и *gast-s, gast-is, gast-a, gast-eis; sunus, sun-aus, sun-iwe; gum-a, gum-ins, gum-ane*. Специфика славянских фонетических процессов конца слова (главным образом, монофтонгизация образовавшихся дифтонгических сочетаний) и ее грамматические следствия привели к несомненному морфологическому переразложению именных словоформ еще в праславянский период⁵. Наблюдаемые в праславянском и в современных славянских языках немногочисленные рефлексы индоевропейского удлинения гласного в форме Им.п. ед.ч. и аблаута в «консонантных» основах при синхронном подходе должны быть рассмотрены как явления линейной морфонологии. Примеры: *kam-y / kamen-e, vrēm-ē / vrēmen-e, slov-o / sloves-e, mat-i / mater-e*.

Имя, как известно, обладает менее развитой системой грамматических категорий, чем глагол. Не все имеющиеся в языке грамматические категории имен могут иметь морфонологическую маркировку. Ядерными по данному признаку являются категория числа, во всех языках маркируемая морфонологическими средствами, и категория падежа, выступающая, как правило, в единстве

с категорией числа. Две названные категории составляют грамматическую базу таких систем, как русская, латинская, греческая и исландская. Примеры: русск. *ветер / ветра, ветры*; лат. *nomēn* (Nom.sg.) / *nominis* (Gen.sg.), *nomina* (Nom.pl.); древнегреч. *ἄστυ* (Nom.sg.) / *ἄστυ* (Gen.sg.) / *ἄστυ* (Nom.pl.). Большинство германских языков маркирует только категорию числа: нем. *Mutter / Mütter, Stuhl / Stühle*; англ. *man / men*. Остальные исследованные славянские языки (возможно, и древнегреческий, если не включать вокатив в состав именной парадигмы⁶) способны маркировать также категорию апеллативности. Примеры: болг. *вятър / ветрове* (мн.ч.), *ветре* (зв.ф.); польск. *kwiecie* (Зв.п.) / *kwiat* (Им.п.); *ἄθήρ* (Nom., Voc.) / *ἄθήρ* (Gen.).

По особенностям фонетического субстрата исследуемые системы могут быть разделены на два класса. Первый составляют древнегреческий и латинский языки, сохраняющие наряду с развитием инновационных чередований следы индоевропейского аблаута (греческий в большей мере, чем латинский). Примеры аблаута: *ῥήτωρ / ῥήτορ; pēs / pēdis; vulnus / vulneris*. Примеры инноваций: *πόλι / πόλεω < πόλειος* (metathesis quantitatis); *γραυ / γραύ* (особенности фонетической рефлексии F); *apex / apicis* (сокращение гласных срединных слогов). Второй класс представлен тремя группами. Первую образуют русский и болгарский языки, знающие только чередования гласных с нулем, вызванные падением редуцированных. Примеры: *рожь / ржи, пень / пнем; яиц / яйцо; мисл / мисли; песен / песни*. Вторая группа формируется остальными славянскими языками, в которых следствием падения редуцированных явились также чередования на основе сужения гласных в новых закрытых слогах. Примеры чередования с нулем: *dworzec / dworca; вугіль / вугля; дно / дена*. Примеры сужения: *roznowa / roznow; гнездо / гнізд*. Особое место в данной группе занимает польский язык, для которого морфонологически значимы помимо названных процессов изменение гласного между мягкими согласными и многократные конвергенции и дивергенции носовых⁷: *wiara / wierze; aniol / anieli; ręka / rąk*. Третья группа представлена германскими языками, имеющими исключительно инновационные чередования, преимущественно по умлауту и преломлению, и не содержащими чередований с нулевым альтернатом.

Именно спецификой фонетического субстрата вокальной морфонологии обусловлен состав морфонологических моделей в исследованных славянских языках. В тех из них, которые сохраняют склонение, преобладают модели, возникшие в связи с падением редуцированных. Основные⁸ базируются на оппозициях: 1) Им.п. ед.ч. остальным формам парадигмы; 2) Р.п. мн.ч. остальным формам парадигмы. Разновидности данных моделей могут быть специфичны по языкам. В русском и украинском модель № 1 имеет варианты: Им.п.

ед.ч. (+ В.п. ед.ч.) / остальные формы парадигмы (*пень / пнем, пни, пней; гребень / гребеня*); Им.п. ед.ч. (+ В.п. ед.ч.) + Тв.п. ед.ч. / остальные формы парадигмы (*рожь, рожью / ржи; гусинь, гусинню / гусени*). В западнославянских языках данная модель варьирует только по отношению к категории одушевленности (В.п. ед.ч. совпадает с Им.п. или с Р.п.). В украинском языке варианты, не определяемые значением категории одушевленности, имеет и модель № 2: Р.п. мн.ч. (+ В.п. мн.ч.) / остальные формы парадигмы (*крапок / крапка*); Р.п. мн.ч. + Тв.п. мн.ч. / остальные формы парадигмы (*слиз, слизьми / слюза*). Кроме того, общим для русской, украинской и чешской систем является противопоставление всех форм единственного числа всем формам множественного (*дно, дном / донья; дно / дена*). Специфику польской системы составляет широкое распространение морфонологического противопоставления М.п. ед.ч. (с частью форм парадигмы) большинству форм парадигмы, обусловленное фонетическим процессом преобразования гласных в позиции между мягкими согласными (М.п. ед.ч. *lecie / lato*; Им.п. мн.ч. *sąsiedzi / sąsiad*).⁹

Особенности группировки грамматических позиций в морфонологические и системный статус каждой из выделенных таким образом позиций также противопоставляют польский язык остальным славянским. В русском, украинском, чешском и лужицких языках самостоятельные морфонологические позиции образуют формы Им.п. ед.ч. и Р.п. мн.ч., могущие иметь специфический альтернат, большинство же форм парадигмы составляют единую морфонологическую позицию, содержащую альтернат, противопоставленный данному. Позиции в формах В.п. ед.ч. и Тв.п. ед.ч., не имея специфических альтернантов, способны, однако, влиять на структуру морфонологических моделей, формируя их варианты в зависимости от того, специфический альтернат какой из базисных позиций они содержат. В украинском языке подобным свойством обладает также позиция в форме Тв.п. мн.ч. (см. вышеприведенные примеры). В польском языке специфическим альтернатом может репрезентироваться, кроме Им.п. ед.ч. и Р.п. мн.ч., позиция в форме М.п. ед.ч., а наличие вариантов морфонологических моделей определяется особенностями фонологической реализации позиций В.п. ед.ч., Д.п. ед.ч., Им.п. мн.ч.

Болгарский язык, не имеющий категории падежа, обладает принципиально иной системой морфонологических моделей, чем остальные славянские языки. Решающее значение в нем приобретает числовая оппозиция: неопределенная форма единственного числа противопоставлена форме множественного числа во всех семи фиксируемых исследователями моделях. Морфонологическое моделирование базируется на особенностях фонологической реализации звательной и счетной форм. По особенностям фонологической базы болгарская именная морфонология не отли-

чается от остальных славянских. Примеры: *отец* (ед.ч. неопр.ф.) / *отци* (мн.ч.), *отче* (зв.ф.); *огнь* (ед.ч. неопр.ф.), *огня* (сч.ф.) / *огньове* (мн.ч.); *борец* (ед.ч. неопр.ф.), *борцо* (зв.ф.) / *борци* (мн.ч.).

Среди языков германской группы системой морфонологических моделей в собственном смысле обладает только исландский, маркирующий, помимо категории числа, категорию падежа. Остальные германские языки, включая немецкий и английский, демонстрируют одну морфонологическую модель, в которой все формы единственного числа противопоставлены всем формам множественного числа. Различия в реализации данной модели по языкам касаются, прежде всего, ее лексической мощности. По данным Е.С. Кубряковой, количество морфонологически маркированных существительных в нидерландском языке составляет 5, в английском – 9, в немецком – 304, в исландском – 464¹⁰. Поскольку фонетическая база германской именной морфонологии однородна (большинство альтернативных рядов восходит к умлауту¹¹), есть основания полагать, что решающая роль в ее эволюции принадлежит грамматическому фактору. Четырехпадежные немецкая и исландская системы, не знавшие тенденции к утрате склонения, регуляризировали умлаут как морфонологическое средство выражения числовой оппозиции, двухпадежные же системы остальных языков, редуцировавшие склонение как таковое, сохранили чередования как реликтовое, нерегулярное явление.

В древнегреческом языке наибольшей лексической мощностью обладают 5 морфонологических моделей, основанных на оппозиции Nom.sg. остальным формам парадигмы¹², тогда как остальные представлены единичными примерами. Примеры: ῥήτωρ (Nom.) / ῥήτορ (Voc.), ῥήτορα (Acc.), ῥήτορο (Gen.) (1); ἀθήρ (Nom., Voc.) / ἀθέρο (Gen.), ἀθήρα (Acc.) (2); γένο (Nom., Acc.) / γένου (Gen.), γένει (Dat.) (3); πόλι (Nom.), πόλι (Voc.), πόλι (Acc.) / πόλεωσ (Gen.) (4); βασιλεύ (Nom.), βασιλεῦ (Voc.), βασιλεῦσι (Dat. pl.) / βασιλέω (Gen.) (5). Латинский язык располагает только одной морфонологической моделью, аналогичной греческой модели, т.е. основанной на противопоставлении Nom.sg. остальным формам парадигмы. Примеры: *caput / capitis, victor / victoris, mater / matris, pariēs / pariētis*. Согласно общепринятой точке зрения морфонологическая маркировка форм Nom.sg. относится еще к периоду индоевропейского единства¹³, поэтому вполне естественной представляется ситуация, когда именно в языках, сохраняющих следы аблаута, данная оппозиция усиливается инновационными чередованиями. При этом в древнегреческом языке фонетические инновации, как правило, «накладываются» на альтернанты, восходящие к аблаутным, а в латинском формируются новые чередования, следующие основной дистрибутивной модели. Например, в древнегреческом языке «перестановка количества» преобразует полную

ступень аблаута $\epsilon i(+\omega)$ в краткий альтернант $\epsilon(+\omega)$, противопоставленный нулевой ступени аблаута i : $\acute{\rho}\acute{o}\lambda\iota$ (Nom.) / $\acute{\rho}\acute{o}\lambda\epsilon\omega$ (Gen.). В латинском языке имеется вторичное количественное чередование $\delta/\bar{\delta}$, развившееся под действием, с одной стороны, тенденции к выравниванию основы по всей парадигме (*victōr* → *victōris*), с другой стороны, тенденции к сокращению конечных гласных (*victōr* > *victōr*). Впрочем, совмещение аблаутных ступеней с рефлексами инновационных процессов отмечается и в латинском языке: *ulcus* (< **ulcos*) / *ulceris*.

Таким образом, с точки зрения структуры исследованные морфологические системы могут быть оценены как: 1) моно- или полимодельные (латинский, германские, кроме исландского / древнегреческий, исландский, славянские); 2) иерархичные, имеющие варианты моделей,

или неиерархичные (славянские, кроме болгарского / болгарский, германские, классические). Мономодельные системы, в свою очередь, представлены двумя группами: германской (модель «ед.ч. / мн.ч.») и латинской (модель «Nom. sg. / остальные формы парадигмы»). Полимодельные системы, как правило, имеют в своем составе модели, типологически сходные с указанными. В славянских и греческой системах центральное место занимает латинская модель, в болгарском – германская. Данное сходство не всегда обусловлено генетически, поэтому соответствующая модель может быть реализована инновационными чередованиями.

Квантитативные характеристики структуры именных морфологических систем приведены в табл. 1.

Таблица 1¹⁴

Параметры	Языки										
	Р	У	П	Ч	Б	Дг	Л	Г	Н	И	А
фонем	5	6	7	13	6	20	14	12	17	16	19
альтернантов	3	3	7	10	4	12	8	9	8	15	10
АР	10	27	16	24	12	19	10	7	4	29	6
морфологических моделей	6	7	7	7	6	10	1	7	1	16	1
АР без Ø	0	16	11	20	0	17	9	5	4	29	6
грамматических позиций	12	14	14	14	7	10	12	8	8	8	3
морфологических позиций	5	6	9	6	6	5	2	7	2	7	2
альтернантов: фонем	0.6	0.5	1.0	0.8	0.7	0.6	0.6	0.8	0.5	0.9	0.5
АР: моделей	1.7	3.9	2.2	3.4	2.0	1.9	10.0	1.0	4.0	1.8	6.0
грамматических позиций: морфологических позиций	2.4	2.3	1.5	2.3	1.1	2.0	6.0	1.1	4.0	1.1	1.5

Данные таблицы свидетельствуют о том, что одной из важнейших структурных характеристик систем является их типизированность – отношение количества альтернативных рядов к количеству морфологических моделей, т.е. средняя нагруженность одной морфологической модели. Данный показатель противопоставляет системы латинского, английского, немецкого и украинского языков остальным исследованным. С типизированностью систем частично коррелирует (прямо пропорционально) «группируемость» грамматических позиций в морфологические – отношение количества грамматических позиций к количеству морфологических (сколько форм парадигмы содержат один и тот же альтернант). Материал таблицы позволяет также предположить, что с типизированностью системы коррелирует

(обратно пропорционально) и ее модельность: все мономодельные системы высокотипизированы, тогда как полимодельные системы имеют, как правило, низкую степень типизации.

Степень задействованности фонологического инвентаря языка на морфологическом ярусе (отношение количества альтернирующих фонем к общему числу фонем в системе) различна по языкам. Однако по данному показателю системы могут быть скорее шкалированы, чем классифицированы: украинский = немецкий = английский, русский = древнегреческий = латинский, болгарский, чешский = готский, исландский, польский.

Совмещение разных критериев структурной классификации дает результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Критерии	Языки			
	Р, П, Ч, Г	У	Б, Дг, И	А, Н, Л
Иерархичность	+		-	
Модельность	полимодельные		полимодельные	мономодельные
Типизированность	низкая	высокая	низкая	высокая

Данная классификация, полученная путем анализа имманентных свойств морфонологических систем, не совпадает с построенными на основании учета особенностей фонологического субстрата и соотношения морфонологических систем с грамматическими и не является отражением генеалогической принадлежности языков.

Таким образом, мы полагаем, что основными параметрами структурной классификации морфонологических систем целесообразно считать наличие иерархии и степень типизированности. Полученная группировка систем такова: 1) иерархичные полимодельные слаботипизированные (русская, украинская, польская, чешская); 2) неиерархичные полимодельные слаботипизированные (древнегреческая, исландская, болгарская); 3) неиерархичные мономодельные высокотипизированные (английская, немецкая, латинская). По специфике фонологического субстрата исследованные морфонологические системы распадаются на класс «архаичных», сохраняющих рефлекс индоевропейского аблаута (древнегреческая и латинская), и класс «инновационных», сформированных позднейшими фонетическими процессами (современные славянские, германские). По отношению к грамматическим системам морфонологические могут оцениваться как «минимальные», маркирующие только категорию числа (германские, кроме исландской), «медиальные», маркирующие совместно выражаемые число и падеж (русская, латинская, древнегреческая), и «максимальные», могущие маркировать другие категории имени (остальные славянские).

Примечания

- ¹ См.: *Бернштейн С.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974; *Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение.* М., 1987.
- ² См.: *Сравнительная грамматика германских языков: в 5 т.* Т. II. М., 1962; *Кубрякова Е., Панкрац Ю.* Морфонология в описании языков. М., 1983.

- ³ См.: *Данилина Н.* Чередования в основах латинского 3-го склонения: история и система // *Античный мир и миф.* Вып. 8. Саратов, 2002. С. 154–164.
- ⁴ См.: *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 2010. С. 170–171.
- ⁵ См.: *Кузнецов П.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961. С. 49, 66–67.
- ⁶ См.: *Шарыпкин С.* О древнейшем этапе эволюции древнегреческой падежной системы // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры.* М., 1989. С. 89.
- ⁷ См.: *Klemensiewicz a dr.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955. S. 81, 105.
- ⁸ Полные списки морфонологических моделей славянских языков см.: *Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение.* М., 1987. Однако различий между моделями и их вариантами авторы данной работы не проводят.
- ⁹ В русском литературном языке результаты соответствующего фонетического процесса подвергались активному выравниванию под действием грамматической аналогии (впрочем, деривационная морфонология сохранила подобные примеры: *жены* → *многоженец*, *колеса* → *околесица* и т.п.).
- ¹⁰ См.: *Кубрякова Е., Панкрац Ю.* Указ. соч. С. 33.
- ¹¹ Там же. С. 40.
- ¹² Новогреческий язык сохранил описанную систему моделей в кафаревусе, существенно сократив ее лексическую базу, и полностью разрушил в димотике, осуществив выравнивание основы (обычно в пользу генитива) под действием грамматической аналогии, в результате чего все «неправильные» формы имеют «правильные» синонимы.
- ¹³ См.: *Семереньи О.* Указ. соч. С. 171.
- ¹⁴ Сокращения в таблицах: АР – альтернативные ряды, А – английский, Б – болгарский, Г – готский, Дг – древнегреческий, И – исландский, Л – латинский, Н – немецкий, П – польский, Р – русский, У – украинский, Ч – чешский.